

«Чечот?» – «Мицкевич!», или Рождение литературной сенсации

Откуда все пошло

В начале своего очередного «Путешествия вспять» я, пожалуй, перенесусь воспоминаниями ровно на 60 лет назад, когда в начале 1956 года был студентом-выпускником отделения журналистики филфака Белорусского государственного университета. Темой своей дипломной работы я избрал публицистику Адама Мицкевича. И, набравшись смелости, обратился в редакцию самой важной тогда варшавской газеты «Трыбуна люду» за помощью. Оттуда мне прислали том с эмигрантскими, парижскими статьями поэта, напечатанными в польской и французской прессе. Одновременно помогали и польские студенты, приехавшие учиться в БГУ с Белосточкины. От них я получил первый номер издававшегося в Белостоке, белорусского еженедельника «Ніва». И со временем стал его постоянным читателем, особенно выделяя «поисковые» статьи Матея Конопацкого. И вдруг статьи названного автора исчезли со страниц газеты. Из Белостока пришла туманная весть: мол, Матей Конопацкий поехал в Каунас, там нашел белорусские стихотворения Адама Мицкевича, его уже послеуниверситетского, но еще досылочного, «филоматского» периода жизни, пытался их напечатать, но тут его позвали «куда следует» и настойчиво потребовали, чтобы он не смел «позорить» имя национального пророка Речи Посполитой. Конопацкому пришлось оставить работу в белорусской газете и перебраться в Гданьск, где он устроился на судоверфь и печататься перестал.

Впервые лично с Матеем Конопацким я неожиданно встретился в Гданьске во время командировки в Польшу осенью 1971 года: он председательствовал на моей авторской встрече в «Беларускай хатцы», куда пришли наши соотечественники. Тогда я и задал вопрос: так ли все было с белорусскими стихами Мицкевича, как дошло до Минска? Конопацкий не ответил ни да ни нет, просто промолчал. А через год-другой в одном из польских научных сборников мне встретились сведения о том, что в Ковно, куда Мицкевич направился из Вильно после окончания университета, чтобы преподавать в гимназии латынь, поэт покинул в одной из книг свое весьма язвительное, силлабическое двустипхише, написанное по-белорусски. Далее в комментариях говорилось, что автор, естественно, с детства хорошо знал от няни и слуги Блажея белорусский язык, который потом очень высоко оценил в Париже в одной из своих лекций в Коллеж де Франс.

Белорусская фантазия

А год назад активист Иркутского общества белорусской культуры имени Я. Черского Алексей Кухта в письме в редакцию газеты «Голас Радзімы» попросил помощи в поиске книжки 1902 года некоего Духиньского, где должно быть стихотворение, написанное, по мнению А. Кухты, Яном Чечотом. После проведенного исследования оказалось, что Франтишек Генрик Духиньский (1816 - 1893) – украинский литератор и политический деятель, письменно выступавший в различных странах Западной Европы против царского самодержавия, за самостоятельность «Малой России». Подготовил к печати «Сочинения» в нескольких томах. Их второй том вышел уже после смерти автора, действительно в 1902 году, в издательстве Польского национального музея в Рапперсвиле (Швейцария). На странице 78 там действительно находится «фантазия белорусская» «Если бы это я был королем». Ей предшествует короткое вступление: «Поскольку малорусский язык распространен в Польше (на территории бывшей Речи Посполитой. — А.М.) больше, чем белорусский, поэтому публикуем фантазию, написанную и на этом языке. Является она произведением Чечота и, очевидно, появляется в печати впервые». И далее на той же 78-й странице следует текст, который впервые привожу здесь в кириллической транслитерации:

*Мусіў то я сягоння рана устаць,
Штоб табе што – нібуць сказаць;
А штоб сказаць складні і к рэчы,
Сеў я сабе каля печы.
Сеў, нагу за нагу залажыў,
Дабыў ражка й табакі зажыў;
А як мой мальчкі крычаць
пірастаў,
Так я сабе такую думку здумаў:
Штоб-то я на сьвеце быў каралём!
І меў бы пітнаццаць рублей грошы!
То б я табе што няделю вячаром
Справіў бы банкет харошый.
Ты б у мяне заліўся гарэлкай,
Ад мяса трэснуў бы табе пун,
Масла піў бы поўнай тарэлкай
І кашу еў бы з тонкіх грэцкіх круп.
А як прышлі б твае імяніны,
Купіў бы табе мёду дзьве тарэлкі;*

*Купіў бы парся з скаціны
І поўную пляшку гарэлкі.
К гарэліцэ купіў бы перцу за грош,
І за тры грошы ў краме ляку;
Ад ляку быў бы там калор харош,
А перэц быў бы дзеле смаку.
І так, як наелі б ці й напілі,
Ляглі б на печы пад кажухом;
Там бы то весяло запелі,
І ты пры мне быў бы каралём!*

Приветствие или ответ на него?

После прочтения процитированного выше произведения у меня сразу же зародилось сомнение: а при чем здесь белорусский и польский поэт и фольклорист Ян Чечот? Скорее всего, мы видим некий ответ на приветствие.

Беру в руки сборник белорусских произведений Яна Чечота «Наваградскі замак», составленный известным поэтом и переводчиком Кастусем Цвиркой. Начинается он стихотворным приветствием, адресованным автором, который называет себя «цівуном» и «ліцвінам» (но не жмудином!), Юзефу Ежовскому, по рождению «українцу», «председателю Общества филоматов», в связи с его именинами, которые отмечались 7 марта 1819 года. Значит, зародилась мысль, ради конспирации председателя нелегального студенческого объединения избирали в день его тезоименитства... Ведь этим же можно было бы в случае чего объяснить и сбор избранной студенческой молодежи в потаенном месте.

Дальше в тексте стихотворения следует драматическая сценка. Поют девочки и хлопцы. Выступают с декламациями «войт», «Микита» и «десятник». Последний объясняет причины собрания (запомним!): «Будзем піць, скакаць, співаць і дрвіць», т.е. высмеивать, делая «з беды свята».

А следом идет стихотворение-приветствие «На прыезд Адама Міцкевіча». Реальные причины приезда гостя и гостеприимной встречи с ним не объясняются. Но формально цель та же — обыкновенное застолье, а не присоединение к нелегальному обществу, предтече сообщества декабристов:

*Будзем есці каўбасы.
Смачну гарэлачку піць,
Песнь вазьмём на галасы
І будзем весела жыць...*

Конспиративный смысл поэтических строк Яна Чечота сразу же уловил Адам Мицкевич. И вряд ли он писал ответ на приветствие заранее, более

того: вряд ли он знал заранее, что оно будет звучать именно на белорусском языке. Значит, перед нами — импровизация, в которой Мицкевич слыл непревзойдённым мастером. И вряд ли автор стал бы усиливать на ходу «конспиративность» встреч, цель которых не бражничанье, а, как бы мы сказали сегодня, углубление познаний по народоведению, прежде всего белорусскому. Более того: поэтически, образно цель встречи гиперболизирована, доведена почти до абсурда — ну как можно на лоне природы, где обычно проходили именные празднества «филоматов», улечься «на печи пад кажухом»!

Развеиваю сомнения

Текст послания Алексея Кухты и копию публикации 1902 года Франтишка Духиньского я показал Кастусю Цвирке. И на свой вопрос «Дык гэта усё ж Чачот?» — услышал: «Не, амаль стопрацэнтна Міцкевіч!» Дополнительным аргументом специалиста явилась разница в способе изложения, художественном стиле: Чечот активнее опирался на фольклор, лучше знал белорусский язык, в авторе же «Фантазіі» больше чувствуется профессионал, реалист, да и белорусским языком он, возможно, воспользовался в стихосложении впервые — отсюда столько полонизмов и даже русизмов (тот же «мальчык», за которым скрывается кто-то из властей, или «скаціна»).

Важным этапом в установлении авторства считаю недавний эксперимент, когда я раздал копии «Фантазіі» нашим академическим специалистам по стихосложению. И все они пришли к выводу: это не Чечот. Правда, тут же было высказано пожелание: хорошо бы взглянуть на оригинал, чей там почерк — Чечота или Мицкевича? И тут подумалось: скорее всего, Чечота — ведь он был заинтересован в том, чтобы по горячим следам зафиксировать импровизацию своего друга.

Но может быть еще почерк «филомата» Леонарда Ходзьки, который тщательно формировал, переписывая оригиналы, «культурологический» архив белорусско-литовских земель, а потом вывез его примерно в 150 папках в Западную Европу — сначала в Италию, а потом во Францию. В Париже сотрудничал с Мицкевичем. А после его смерти, в начале 1860-х годов, передал свои собрания как раз в музей польской эмиграции в Рапперсвиле — туда же, где трудился Духиньский. В Рапперсвиле, в фонде Леонарда Ходзьки и в других собраниях, может оказаться много белорусских материалов. Но я не слышал, чтобы там занимался поисками кто-то из белорусских исследователей. Сам же я не смогу поехать туда по состоянию здоровья. Так кто же переймет эстафету? А может, искатели найдутся в

самой Швейцарии? Адресую это предложение прежде всего Александру Сапеге, возглавляющему объединение белорусов Швейцарии, и активной белорусистке Монике Банковски-Цюллиг, работавшей прежде в Цюрихской городской библиотеке.

**Адам МАЛЬДИС,
доктор филологических наук.**